

A movie poster featuring a man and a woman. The man, on the left, has a beard and is wearing a dark suit with a white shirt. He has a serious, intense expression. The woman, on the right, has blonde hair and is wearing a red dress. She is looking directly at the camera with a calm expression, her hand near her face. A red, translucent veil or fabric separates them. The background is dark with red highlights.

ГОЛЬДФАЙН
ОЛЬГА

10 ЛЕТ ЗА ИЗМЕНУ
РАЗВОД

Ольга Гольдфайн

Развод. 10 лет за измену

«Литнет»

2026

Гольдфайн О.

Развод. 10 лет за измену / О. Гольдфайн — «Литнет», 2026

– Я знаю, что у тебя есть другая! – кричу, сжимая рубашку Руслана, пропахшую чужими духами. – Лена, лечи голову! Тебе к психиатру пора с твоей паранойей! – бьет наотмашь муж. Он нагло лжет в глаза, делая из меня сумасшедшую истеричку. Я и сама порой думаю, что сошла с ума и это все мне мерещится. И тогда, отчаявшись, я совершаю роковую ошибку – обращаюсь к ясновидящей. Я хотела вывести мужа на чистую воду. Доказать себе, что я нормальная, в отличие от моей матери, закончившей дни в психушке. Но цена оказалась слишком высока – десять лет моей жизни. ...***Книга участвует в литмобе развод хватит лгать литмоб:

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	8
Глава 3.	11
Глава 4.	14
Глава 5.	18
Глава 6.	25
Глава 7.	28
Глава 8.	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава 1.

Данная книга предназначена для читателей старше 16 лет.

Книга не имеет намерений оскорбить или задеть чьи-либо чувства, взгляды или убеждения.

Все события, места, персонажи и диалоги являются вымышленными.

Любые совпадения с реальными людьми или ситуациями случайны.

Иногда дверь, за которой скрывается истина, лучше не открывать.

Потому что вместе с правдой в твою жизнь может шагнуть тьма.

Лена

«Я схожу с ума».

Эта мысль пульсирует в висках каждый раз, когда я смотрю на мужа.

Запах чужих духов... Я ведь не придумываю его. Он реальный.

Сладкий, приторный, с тяжелыми нотками мускуса. Он въедается в воротники рубашек Руслана, оседает на обивке пассажирского сиденья нашей машины, незримым облаком висит в прихожей, когда муж возвращается домой.

– Наташ, как думаешь – я нормальная? У него кто-то есть, или мне мерещится? – пытаю подругу.

Мне страшно. Мне так страшно, что мои подозрения окажутся правдой...

Ведь тогда я уже не смогу ЭТО развидеть. Придется вылезти из «домика», в котором сижу, и решительно действовать: уйти или подать на развод.

Уйти мне некуда: мы продали квартиру, которая досталась мне от мамы, и купили после свадьбы двушку. Руслан немного добавил денег, но при разводе придётся делить жилье пополам.

А ещё я боюсь, что Руслан заберет у меня Аленку, нашу четырехлетнюю дочь. И эта тревога просто сжирает изнутри...

– Лен, ты – самый адекватный человек, кого я знаю. И ты просто себя накручиваешь, – уверенно заявляет Наташа, откусывая песочное печенье. – Мужики – существа примитивные. Если б твой Рус гулял, давно бы прокололся по-крупному.

Мы сидим в тесном кабинете бухгалтерии университета. За окном плавится от июльской жары асфальт родного Череповца, нутужно гудит старенький кондиционер, но меня знобит.

– Он и прокалывается, Наташ! – обхватываю чашку остывшего чая обеими руками, пытаюсь унять внутреннюю дрожь. – Позавчера пришел со свежими царапинами на спине. Говорит: на спарринге по рукопашному зацепили. А вчера его телефон весь вечер лежал экраном вниз. На беззвучном! И когда кто-то позвонил, он схватил трубку, выскочил на балкон и плотно закрыл дверь. Я спросила, кто это, а он так посмотрел...

Сглатываю горький ком и опускаю глаза, на которые наворачиваются слезы.

– Как посмотрел? – хмурится подруга.

– Как на умалишенную. Сказал, что охранник звонил, сказал, что заболел, просил сделать замену в графике. И добавил: «Лена, лечи нервы, запишись к психиатру, твоя паранойя уже достала. Шизофрения по наследству передается. Главное – начать вовремя лечить».

Я не могу рассказать Наташке самое стыдное. Не могу признаться, что в постели Руслан тоже стал другим.

Появились какое-то недовольство, раздражение, новые, незнакомые мне привычки, позы. Словно он отрабатывает на мне то, чему научился в чужой кровати.

Мой сильный, мощный Руслан, за которым я всегда была как за каменной стеной, на глазах превращается в чужака.

– Я больше так не могу, – шепчу, чувствуя, как слезы обжигают глаза. – Он делает из меня сумасшедшую. Я чувствую, я знаю, что у него есть другая, но не могу ничего доказать. И в себе сомневаться начинаю. А вдруг я, и правда, как мама, теряю разум?..

Наташа откладывает печенье, смахивает крошки со стола и подается ко мне: – Слушай. Раз так... Есть одна женщина. Ирина. В пригороде живет.

– Психолог? – не понимаю я.

– Ясновидящая, – Наташа многозначительно приподнимает брови. – На картах смотрит так, что волосы дыбом. Моей сестре двоюродной любовницу мужа описала вплоть до родинки! Хочешь, съездим?

Слово «ясновидящая» больно режет по ушам.

– Наташ, я же в церковь хожу... Какая гадалка? Это грех.

– Грех – это когда муж из жены дуру делает! – отрезает подруга. – Я поеду с тобой. В эту субботу. Узнаешь правду – и спать начнешь спокойно. Поймешь, что ты нормальная, а твой Русик – козел.

И я соглашаюсь.

Отчаяние оказывается сильнее веры...

В субботу мы приезжаем на автобусе в пригородный поселок. Находим дом – старый деревянный двухэтажный барак.

День по-настоящему летний, душный. В палисадниках буйным цветом полыхают цветы, гудят шмели. Но когда мы подходим к нужным окнам на первом этаже, я невольно замираю.

Прямо под окном квартиры гадалки земля абсолютно голая, будто выжженная кислотой или пожаром. Ни единой травинки, ни одного сорняка – только потрескавшаяся серая корка грязи, жутко контрастирующая с соседними пышными клумбами.

Внутри меня что-то обрывается.

Животный, первобытный страх холодными пальцами проходится по позвоночнику.

– Наташ... может, не пойдем? – пячусь, крепче прижимая к себе сумочку. – Как-то мне не по себе от всего этого. Я ведь верующая, а тут вдруг к гадалке поперлась. Не по той дорожке пошла...

Наташа тяжело вздыхает.

– Лен, смотри сама. Не хочешь правду узнать и прекратить мучиться – давай развернемся и поедem домой. А я бы на твоём месте уже точку поставила. Узнала бы, с кем Руслан шашни водит, оттаскала за волосы эту стерву, а ему яйца бантиком завязала.

Ее слова бьют по больному. Образ мужа, презрительно кривящего губы: «*Тебе лечиться надо, Лена*», – вспыхивает перед глазами.

Мысль, что через пару минут я могу узнать всю правду и снова почувствовать себя нормальной, а не больной на голову, как пинками гонит вперед.

– Идем, – выдыхаю и решительно шагаю в темный зев открытого подъезда.

Здесь пахнет старой древесиной, затхлой влажностью и кошками. Облезлая краска свисает со стен сухими струпьями. Мы останавливаемся перед темно-зеленой, обшарпанной дверью. Звонка нет. Наташа уверенно стучит костяшками пальцев.

Дверь со скрипом приоткрывается.

На пороге стоит мужчина. Худой, сторбленный. Его лицо абсолютно восковое, с нездоровым желтушным оттенком. Потухший, пустой взгляд скользит по нам, ничего не выражая. Я даже не могу понять, сколько ему лет – тридцать или все шестьдесят. Видно только одно: он безнадежно болен.

Все мое естество вопит: *беги отсюда!*

Неужели ты не видишь, что это гнилое, гиблое место!

Но Наташа легонько подталкивает в спину.

Мужчина не произносит ни слова. Просто отходит в сторону и растворяется в сумраке одной из темных комнат.

Переглядываемся, снимаем обувь и проходим по коридору вперед, туда, где бормочет телевизор.

За круглым столом сидит Ирина. Дородная женщина лет пятидесяти. На улице стоит невыносимое пекло, но она закутана в плотный махровый халат. Волосы собраны в небрежный пучок, на пухлых пальцах – облупившийся красный лак.

Она медленно тасует и раскладывает по столу потертую колоду карт. Пасьянс это или гадание – не могу понять.

– Здравствуйте, – робко здороваемся.

Женщина поднимает голову, и у меня перехватывает дыхание, а по спине прокатывается ледяной ком.

Ее глаза... они разного цвета. Один карий, почти черный, а другой – прозрачно-голубой. И этот жуткий, пронизывающий насквозь взгляд смотрит прямо в душу.

– Проходите. Ты, Лена, садись, – хрипло произносит гадалка, безошибочно останавливая взгляд на мне. – А ты иди пока, погуляй, – кивает подруге.

Наташа недовольно сопит, переминается с ноги на ногу, но спорить не решается. Ободряюще мне кивает и выходит из квартиры, тихо прикрыв за собой скрипучую дверь.

А я пытаюсь вжаться в стул. Раствориться. Исчезнуть.

Но тело ватное, тяжелое, будто приросло к сиденью. И гадалка, ловко перетасовав колоду, достаёт из нее, не глядя, даму червей, кладет в центр стола:

– Давай посмотрим, что там с твоим мужем...

Глава 2.

*Я так отчаянно хотела узнать правду, что даже не задумалась:
а хватит ли у меня сил с этой правдой жить?*

Лена

– Вижу я твоего благоверного, – хрипло, с какой-то издевкой тянет гадалка. – И бабу его вижу.

Слово «баба» бьет меня наотмашь, словно пощечина.

– Давно он гуляет, – безжалостно продолжает Ирина, вколачивая гвозди в крышку гроба моего счастливого брака. – А тебе врет. В глаза смотрит и нагло брешет. За дурочку тебя держит, девонька. За удобную, слепую дурочку.

Я начинаю задыхаться. Воздух в комнате становится вязким, как кисель. Хочется вскочить, закричать, что это неправда, что Руслан меня любит, просто у нас кризис...

Но в голове всплывают его холодные глаза и презрительное: «Лена, лечи нервы».

– Хочешь, чтобы он сам во всем признался? – вдруг спрашивает гадалка, подаваясь вперед. – Или, может, хочешь, чтобы любовница рассказала?

Я смотрю в ее разноцветные глаза, и меня словно парализует. Разум кричит, что нужно бежать отсюда, бежать без оглядки! Но боль и обида, копившиеся месяцами, вырываются наружу.

– Хочу, – шепчу непослушными губами, словно под гипнозом. – Я все хочу знать.

– Тогда ложись на диван, – командует Ирина. – Футболку задери по самые ребра, а брюки приспусти. Живот освободи.

Она надевает очки и тяжело, с кряхтением встает из-за стола, шаркающей походкой идет к старому советскому шкафу. Достает с верхней полки толстую, потрепанную тетрадь и начинает ее листать, плюнув на пальцы.

На душе становится невыносимо тяжело, темно и гадко. Мое тело буквально звенит от напряжения. Так и хочется вскочить, одернуть одежду и броситься вон из этой жуткой квартиры!

Но как бросить все на середине? Ведь половина правды уже открылась. Если я сейчас приеду домой и скажу Руслану, что была у гадалки и знаю про измены, он поднимет меня на смех. А то и правда в психушку упрячет, скажет, что я совсем с катушек слетела на почве ревности.

А вот если он сам признается... Если согласится с тем, что мои подозрения верны...

На деревянных ногах подхожу к продавленному дивану, ложусь на пропахшую чужим потом обивку. Дрожащими руками задираю край легкой летней футболки и спускаю молнию на джинсах, обнажая живот.

Чувствую себя невероятно уязвимой, жалкой и беззащитной.

Ирина придвигает скрипучий стул вплотную к дивану. Наклоняется надо мной. Я вижу в ее руке обычную шариковую ручку.

Она прижимает стержень к моей коже – холодно, царапает – и медленно чертит треугольник, а потом ещё один прямо вокруг моего пупка.

По позвоночнику бежит ледяная стая мурашек. Живот сводит тугим, болезненным комком животного ужаса.

Я крепко зажмуриваюсь, лишь бы не видеть лица гадалки. Лишь бы не чувствовать, как ее сальные, седые пряди волос щекочут обнаженную кожу.

Ирина начинает шептать.

Сначала тихо, неразборчиво. Ее губы почти касаются моего живота, прямо в центре нарисованного треугольника. Внутренности леденеют, сердце стучит через раз.

Я не понимаю ни слова – это не молитва, не привычный язык. Это какие-то гортанные, древние, пугающие имена, от звука которых кровь стынет в жилах.

Ее дыхание, обжигаяще ледяное, проникает, кажется, под самую кожу.

Втягиваю голову в плечи, изо всех сил прижимаю ладони ко рту, чтобы не закричать в голос от парализующего ужаса.

Время словно перестает существовать. Оно замирает, растягивается в бесконечную, мучительную пытку.

Я не знаю, сколько лежу так – пять минут или целый час...

Резко распахиваю глаза, не в силах больше терпеть темноту, и давлюсь криком. По серому, покрытому глубокими трещинами потолку мечутся жуткие, уродливые тени, хотя в комнате было светло, когда мы пришли.

Из глаз горячим потоком текут слезы. В этот момент, слушая страшный шепот гадалки, меня накрывает осознание: я только что совершила самую большую, самую фатальную ошибку в своей жизни.

Я впустила в себя нечто темное.

Но отмотать время назад уже невозможно...

Шепот резко обрывается.

– Все, – сухо командует Ирина отстраняясь. – Вставай, поправляй одежду и возвращайся домой.

Подрываюсь с дивана, как ошпаренная. Морок спал, в теле какая-то удивительная легкость, от нее даже голова кружится.

Судорожно натягиваю футболку, застегиваю джинсы, чувствуя, как трясутся руки.

– Деньги вон туда, в шкатулку положи, – кивает на комод, тяжело дыша. – Сегодня или завтра все узнаешь. И если захочешь потом любовницу его известить, наказать – приезжай. Все сделаю. Только стоять это будет уже дороже.

Пячусь к выходу, опускаю смятые купюры в открытую деревянную шкатулку. – Нет, нет, спасибо. Я никому не желаю зла. Мне просто нужна была правда.

Ирина приспускает очки на кончик носа и смотрит на меня с откровенным презрением.

Презрительно хмыкает:

– Ну и дура. Они тебя с грязью смешали, смеялись над тобой, а ты, малахольная, даже плюнуть им вслед боишься. Ладно, твое дело. Адрес теперь знаешь. Приедешь еще не раз...

Я больше не могу слушать этот каркающий, потусторонний голос. Разворачиваюсь и буквально вылетаю из квартиры.

Бегу по темному, пропахшему сыростью и кошачьей мочой коридору так, словно за мной гонятся демоны. Дрожащими руками дергаю тяжелую входную дверь подъезда и вырываюсь на свободу.

В лицо ударяет ослепительное июльское солнце. На улице стоит невыносимое, душное марево, плавится асфальт, гудят шмели в палисаднике. Настоящее пекло.

Но как только я делаю первый вдох, мне кажется, что я глотаю колючий январский мороз.

Меня начинает трясти. Тело колбасит так, что зубы стучат друг о друга. Я обхватываю себя руками, пытаюсь согреться, но холод идет откуда-то изнутри. Прямо из живота.

Оттуда, где чернилами нарисованы эти проклятые треугольники.

Наташа сидит на деревянной лавочке около подъезда, закинув ногу на ногу, и беззаботно копается в телефоне. Увидев меня, тут же опускает телефон в сумку и вскакивает, вглядываясь в лицо.

– Ну как? – с жадным любопытством спрашивает подруга. – Сказала она, как любовницу зовут? И где эта стерва работает?

Я останавливаюсь в паре шагов от нее. Хочу ответить нормально, но голос не слышится. Из горла вырывается лишь сиплый шепот:

– Нет.

Наташа разочарованно выдыхает: – Наврали, что ли, про нее? Шарлатанка? Ой, я так и знала, что эти деревенские ведьмы только деньги дерут...

– Нет, не наврали, – качаю головой.

Холод стремительно расплзается по венам. Кожа покрывается мурашками, а перед глазами вдруг начинают плясать мелкие черные точки. Мир на секунду теряет четкость.

– А чего она тебе сказала-то тогда? – не унимается Наташка, делая ко мне шаг. – Лен, ты чего бледная такая? На тебе лица нет!

Пытаюсь сделать вдох, но грудную клетку сдавливает невидимым стальным обручем. А в животе... прямо вокруг пупка вдруг вспыхивает резкая, режущая боль. словно чернила, которыми Ирина вывела свой проклятый рисунок, превратились в кислоту и теперь прожигают кожу до самых внутренностей.

– Наташ... – судорожно хватаюсь пальцами за край ее сарафана, чувствуя, как подкашиваются ноги. – Вызови такси... Пожалуйста. Мне кажется, я на автобусе не доеду.

– Ленка, ты чего пугаешь?! – голос подружки вдруг доносится словно сквозь толщу воды.

– Плохо мне как-то... – выдавливаю и ощущаю, как земля уходит из-под ног.

Последнее, что я чувствую, прежде чем провалиться в липкую, ледяную темноту, – это невыносимый запах сладких, приторных женских духов с нотками мускуса.

Запах любовницы моего мужа...

Глава 3.

Идеальная жизнь мужчины – это когда дома ждет удобная, бесплатная жена, а в машине сидит дорогая, статусная любовница.

Главное, чтобы эти два мира никогда не пересекались...

Руслан

Глушу мотор, припарковавшись у стеклянных дверей элитного салона красоты в центре города. Кондиционер в машине работает на полную мощность, спасая от раскаленного июльского пекла.

Откидываюсь на спинку кожаного сиденья, по привычке разминая широкие плечи. Мышцы приятно ноют после вчерашней тренировки по рукопашному бою.

Жизнь, черт возьми, удалась! Мне тридцать пять, я в отличной физической форме, работаю начальником охраны крупного банка, где есть свои левые подработки и перспективы.

У меня есть надежный тыл – чистая квартира, горячий ужин и покладистая, пусть и порядком наскучившая жена.

И у меня есть Эля. Мой личный сорт адреналина.

Пассажирская дверь распахивается, впуская в прохладный салон поток горячего уличного воздуха и густой, сладкий аромат дорогих мускусных духов.

На сиденье рядом со мной плюхается Эльвира. Длинные, стройные ноги в коротких шортах, идеальный блонд, пухлые губы. Силиконовая, ухоженная, молоденькая кукла, от одного взгляда на которую кровь приливает куда надо.

– Ой, Русик, я сейчас умру, – томно выдыхает она, откидывая назад густую копну наращенных волос. – Просто вымоталась. С десяти утра тут торчала! Представляешь? Только пару чашек кофе выпила, голодная как волчица. Но красота требует жертв!

Элька поворачивается ко мне и театрально вытягивает вперед руки, демонстрируя длинные, острые ногти цвета спелой вишни.

Окидываю взглядом ее «страдания» и не могу сдержать кривой усмешки. Устала она. В кресле сидеть, пока вокруг нее в четыре руки порхали мастера.

Эля мгновенно считывает мою реакцию. Идеально выщипанные брови сходятся на переносице, пухлые губы обиженно надуваются.

– Русик, ты смеешься? – капризно тянет. – Вот зря! Конечно, твоя-то клуша, поди, и ноги не бреет. Что они там знают о спа-процедурах в своей бухгалтерии? Бумажки с места на место перекладывают.

А девушка должна ухаживать за собой, чтобы выглядеть для своего мужчины как с обложки журнала!

Упоминание Лены слегка царапает слух, но я быстро отмахиваюсь от этого чувства.

Лена – это Лена. Скучная, домашняя, вечно с какими-то претензиями и подозрениями в последнее время.

А Эля – это статус. Праздник.

– Выглядишь потрясающе, малыш, – примирительно кладу широкую ладонь на ее гладкое, загорелое бедро.

Эля тут же меняет гнев на милость, придвигается ближе и заглядывает мне в глаза своим фирменным взглядом кота из «Шрека».

– Милый, денюшек дашь? – жалобно канючит.

Убираю руку с ее ноги и тяжело вздыхаю:

– Эль, я же тебе вчера только пятнадцать тысяч перевел. Неужели уже всё потратила?

Шмоточница округляет глаза, словно я сказал какую-то непроходимую глупость.

– А ты думаешь, вся эта красота копейки стоит? – начинает загибать пальцы со свежим маникюром. – Четыре – ногти. Три с половиной – ресницы. Восемь – волосы! И это я еще со скидкой у своего мастера делала!

Мысленно прикидываю расходы. Аппетиты у моей девочки растут с каждым месяцем.

– На эпиляцию еще десятка уйдет, – добивает меня Эля, хлопая пушистыми ресницами. – Бикини ведь тоже делать? Или тебе колючки нравятся?

Она наклоняется чуть ближе, так что глубокий вырез топика открывает соблазнительный вид на идеальную грудь.

Черт! Знает же, на что давить.

Я сглатываю, провожу рукой по коротким волосам.

– Делай, – согласно выдыхаю.

– Вот! – победно улыбается, сверкнув белыми винирами. – Поэтому с тебя еще десять. Переводи.

– Эль, ты думаешь, я миллионер? – меня начинает слегка раздражать ее напор. – Я начальник охраны, а не владелец банка.

Плутовка цокает языком, поправляет сумочку на коленях и смотрит на меня с видом умудренной жизнью женщины.

– Дорогой, мужчина зарабатывает ровно столько, сколько тратит его женщина. Твоя жена ничего не тратит! Ходит в одних джинсах годами. Поэтому и заработок у тебя небольшой – энергии нет! Вот увидишь, чем сильнее будут расти МОИ потребности, тем больше пойдет к ТЕБЕ в руки денег.

Ошарашенно смотрю на нее.

– Это что, какой-то новый гуру коучинга тебе в уши надул? На очередном марафоне желаний мозги зомбировали?

– Это закон вселенной, Русик! – гордо вздернув носик, заявляет Лутова. – Женщина – это сосуд. Если ты в меня вкладываешь, тебе возвращается в десятикратном размере! Переводи давай, мне еще мастеру по бровям платить.

Я качаю головой, поражаясь этой железобетонной логике, но достаю из кармана смартфон, открываю банковское приложение.

Ладно, черт с ней. Зато вечером отработает каждую копейку так, как Лена со своей вечной мигренью никогда не сможет.

Большой палец уже висит над кнопкой «Перевести», как вдруг на весь салон машины раздается резкая трель входящего звонка.

На экране высвечивается: «Жена».

Раздраженно закрываю глаза. Ну вот, опять начинается. Сейчас будет ныть, спрашивать, когда вернусь, и нудить, что я снова пропадаю неизвестно где, ведь сегодня выходной.

– Твоя клуша звонит? – фыркает Эля, демонстративно отворачиваясь к окну. – Скажи, что на работе.

Я нажимаю на кнопку приема вызова, готовясь гаркнуть в трубку, чтобы не отвлекала.

– Да, Лен, я занят, что стряслось? – бросаю сухим, жестким тоном.

Но из динамика раздается чужой, истеричный голос ее подружки, Наташки:

– Руслан?! Слава богу! Руслан, быстро приезжай!

– Наташа? – хмурюсь, инстинктивно подбираясь. – Чего ты орешь? Что случилось?

– Мы в пригороде, возле Заречной! Руслан, Лена умирает! Она ледяная вся, глаза закатились! – Наташка рыдает в трубку. – Я скорую вызвала, но пока она приедет, уже поздно будет!

Макар Торецкий - звезда хоккея.

Он думал, что тем, кто на Олимпе, позволено намного больше, чем простым смертным.

Но его жена Кира доказала, что это не так.

Кто останется на скамейке запасных - законная супруга или любовница?

Схватка на ледовой арене между женицами будет жёсткой...

Роман "Измена. Запасная жена" (18+) для тех, кто хочет поцекотать себе нервы.

<https://litnet.com/shrt/XqWE>

Глава 4.

*Доводить женщину до безумия своей ложью безопасно ровно до тех пор,
пока она не узнает правду.*

А узнав, она способна уничтожить всё на своем пути.

И тебя заодно...

Руслан

– Куда?! – рывкаю я в трубку так, что сидящая рядом Эля вздрагивает. – Куда ехать, Наташа?! Адрес!!!

Подружка Ленки, всхлипывая, выкрикивает название улицы и номер дома в поселке на окраине и отключается.

Я смотрю в навигатор, бросаю телефон на панель, резко выкручиваю руль и с визгом шин разворачиваю тяжелый внедорожник прямо через двойную сплошную. Встречные машины сигналият, но мне плевать. Втапливаю педаль газа в пол и лечу спасать свою непутевую жену.

Скорость бешеная. Двигатель ревет.

Обгоняю попутки, чудом втискиваясь между бамперами и едва избегая аварии на перекрестке. Эля сдавленно пищит и вжимается в кожаное кресло, вцепившись обеими руками в ручку над дверью.

– Руслан, что происходит?! – кричит, перекрывая шум мотора.

До хруста сжимаю челюсти, глядя на дорогу. Мне нельзя отвлекаться. На такой скорости одно неверное движение – и мы два трупa в смятой консервной банке.

– Помолчи, – рычу.

– Ничего себе помолчи! – взвизгивает любовница. – Если мы сейчас разобьемся насмерть, я даже не узнаю, куда мы так спешили! Ты из-за своей курицы готов так рисковать нашими жизнями?!

– Эля, просто заткнись! – ору, не сбавляя скорости.

Мы влетаем в поселок, петляем по улицам, разгоняя кошек, собак и голубей. Живность едва успевает убраться с дороги.

Бью по тормозам у нужного переулка. Машина замирает, клюнув носом. Выскакиваю из салона, хлопая дверью и сразу их вижу.

Лена лежит прямо на старых деревянных мостках у какого-то обшарпанного барака. Бледная как полотно, безвольная, словно кукла с перерезанными ниточками. Рядом на корточках сидит Наташка и заливается слезами.

– Что с ней? – подбегаю, падаю на одно колено и хлопаю жену по щекам. Кожа ледяная, несмотря на тридцатиградусную жару.

– Не знаю! – воет Наташка, размазывая тушь по лицу. – Просто упала, и всё! Замертво!

– Как вы вообще здесь оказались?! Какого черта вас сюда занесло?

– Да какая разница?! – орет на меня Лебедева. – Она сейчас умрет! Ей в больницу надо, срочно!

Ругаюсь сквозь зубы, подхватываю жену на руки. Она кажется неестественно легкой и обмякшей. Несу к машине.

– Открывай заднюю дверь! – команду Наташке. – Садись на сиденье. Я с другой стороны ее уложу, голову возьмешь к себе на колени. Быстро!

Заталкиваю их назад, захлопываю дверь и прыгаю за руль.

На переднем пассажирском сидит Эля, недовольно скрестив руки на груди. Губы поджаты, брови пытаются съехать к переносице, но ботокс не позволяет.

Она оборачивается назад, окидывая взглядом бледную Ленку и растрепанную Наташку.

– Здрасьте! – цедит с откровенным раздражением.

– И вам не хворать, – ядовито парирует Лебедева, прижимая к себе голову моей жены. Дереал какой-то! Просто комбо! Жена и любовница в одной машине!

Снова втапливаю педаль газа в пол, и внедорожник срывается с места, унося нас в сторону первой городской. Наташа на заднем сиденье тихо гладит подругу по бледному лицу, убирает прилипшие пряди волос. В салоне повисает тяжелая, звенящая тишина.

Ее нарушает капризный голос:

– Руслан, отвези меня домой.

Кошусь на Элю:

– Не сейчас. Позже.

– Ко мне подруга должна зайти, – не унимается эту безголовая кукла, демонстративно цокая вишневыми ногтями по экрану смартфона. – Мы в клуб, вообще-то, собирались. Мне переодеться надо.

Крепче перехватываю руль.

– Эля, если ты сейчас не замолчишь, я тебя прямо здесь высажу. На ходу.

Лутова тут же меняет тон, растягивает губы в сладкой улыбке и кладет ладонь мне на колено:

– Да ладно, мой лев. Не рычи. Что я, не понимаю, что ли: мать твоей дочки сейчас важнее, чем я. Я же не бесчувственная.

– Верещагин, ну что ты за урод! – подает голос с заднего сиденья Наташа. Ее трясет то ли от страха за Ленку, то ли от злости. – Приехал за умирающей женой с любовницей! Совсем ни совести, ни мозгов не осталось?!

Меня прорывает. Вот еще она мне будет претензии предъявлять!

– И ты тоже заткнись! – рявкаю в зеркало заднего вида. – Я еще узнаю у Ленки, что вы там, в этих трущобах, делали!

– Шалаву твою хотели извести! – выплевывает Лебедева с такой ненавистью, что звенит в ушах. – И тебя импотентом сделать! Разве непонятно?!

Что?!

Бью ногой по тормозам. Машина встает как вкопанная посреди дороги. Меня окатывает слепой яростью.

Эти две дуры ходили к бабке-колдунье?! Из-за ревности?!

– А ну, обе вышли из машины, – чеканю, глядя перед собой.

– Русичка, – Эля округляет глаза и вжимается в кресло. – А меня-то за что?! Я ведь сижу, молчу, слова тебе плохого не сказала! Их высаживай, а меня домой отвези. Я тебе потом приятно сделаю, стресс сниму.

С силой выдыхаю через нос, пытаюсь взять себя в руки, и снова давлю на газ. Машина трогается с места.

– Еще раз. Кто-то из вас. Откроет рот, – произношу с расстановкой, – и дальше пойдет пешком. Усвоили?

Некоторое время едем в тишине, прерываемой только гулом мотора. И тут на заднем сиденье раздается тихий стон.

Лена начинает шевелиться. Распахивает глаза, тяжело дыша.

– Наташ... – голос жены звучит слабо, хрипло. – Где мы?

– Леночка! – Лебедева тут же склоняется над ней. – Как ты? Тебе лучше? Пришла в себя?

Ленка медленно, с трудом садится, опираясь руками о сиденье. Поднимает затуманенный взгляд. Смотрит в салонное зеркало на меня. Потом переводит глаза правее. На сидящую рядом со мной ухоженную, разодетую красотку.

Секунда. Вторая...

Осознание бьет ее наотмашь. Я вижу это по расширившимся зрачкам.

– Вы кто? – хрипло спрашивает, глядя в затылок моей любовницы.

Эльвира театрально вздыхает, оборачивается назад и с вызовом смотрит на мою жену.

– Подруга вашего мужа, – заявляет с наглой улыбкой. – Меня Эля зовут. Давно хотела с вами познакомиться.

В машине повисает мертвая тишина...

Лицо Лены искажает гримаса боли. В салоне повисает такая тяжелая, звенящая тишина, которую можно потрогать руками. Воздух застывает, я просто перестаю дышать.

Губы начинают дрожать. Осознание бьет ее наотмашь, делаю кожу ещё бледнее.

– Значит, всё правда... – шепчет, глядя на меня в салонное зеркало.

В глазах плещется абсолютное, чистое безумие.

Больше нет той покладистой, удобной жены. Передо мной сидит доведенная до края, сломанная женщина.

– И я не сумасшедшая, – голос крепнет, наливаясь сталью. – Руслан, останови машину. Я выйду.

– Куда ты там выйдешь? – огрызаюсь, не сбавляя скорости, и только крепче перехватываю руль. – Ты на ногах не стоишь. В больницу сейчас поедem, проверим твою голову. Совсем с катушек слетела со своими гадалками!

Мне остается только защищаться. Даже представить не мог, что попаду в такую глупую ситуацию.

– Русик, может, правда ее высадить? – фыркает Лутова, брезгливо наморщив носик и поправляя прическу. – Пусть пешком топает, заодно и проветрится, истеричка. Не хватало еще ее бредни слушать.

И тут происходит то, чего я никак не ожидал: Лена начинает биться в истерике.

Это похоже на внезапный взрыв. Она с диким криком вцепляется руками в спинку моего сиденья и пытается его раскачивать, словно разъяренная фурия.

Откуда только силы взялись? Еще минуту назад без сознания валялась...

– Останови! – визжит так, что закладывает уши. Затем срывается на безумный хрип. – Ненавижу тебя! Ненавижу! Ты врал мне всё это время, в глаза мне врал! Пытался выставить сумасшедшей!

Ленка лихорадочно дергает ручку заблокированной двери.

– Останови, или я прямо на ходу выпрыгну!

Жена рыдает, размазывая слезы по бледному лицу, задыхаясь от ярости и отчаяния.

Наташа на заднем сиденье в ужасе вжимается в кожаное кресло. Она втягивает голову в плечи, закрываясь руками, и панически кричит: «Ленка, не надо! Пожалуйста! Мы же разобьемся!»

А в следующую секунду Лена хватается за волосы и начинает дергать изо всей силы.

Резкая боль прошивает голову, перед глазами на миг темнеет от неожиданности.

– Лена, твою мать, пусти! – реву раненым зверем.

Машинально отпускаю руль и хватаю ее за руки, пытаюсь отцепить вцепившиеся намертво пальцы.

Но истеричка держит мертвой хваткой. Тяжелый внедорожник тут же виляет вправо, теряя управление и вылетая на соседнюю полосу.

Элька рядом истошно орет, отстегивается, перехватывает свою тяжелую, набитую косметикой дорожную сумку и начинает колотить ею Ленку по лицу и плечам:

– Отпусти его, сучка! Ты нас всех угробишь! Отцепись от моего мужчины, психопатка!

Лена, даже не поморщившись от ударов сумкой, в ответ заезжает свободным кулаком прямо в идеальное, тюнингованное лицо моей любовницы:

– Нос тебе сломаю, тварь! Уродиной сделаю! Будь проклята твоя красота!!! – кричит на уровне ультразвука.

Раздается глухой, мерзкий хруст. Эля захлебывается собственным криком, хватаясь за лицо, из-под пальцев мгновенно брызжет кровь.

Наташа сзади визжит, не переставая, вжавшись в самый угол двери и зажмурив глаза.

Со всех сторон в панике сигналият машины. Тормозной визг рвет барабанные перепонки.

Я пытаюсь схватить руль, чтобы выровнять летящую в отбойник махину, но Лена снова двумя руками рвет волосы так, словно хочет снять с меня скальп.

А затем нас с оглушительным грохотом резко бросает вперед от мощного удара в задний бампер.

Скрежет сминаемого металла оглушает. Срабатывают ремни безопасности, жестко вдавливая меня в кресло. Отстегнувшая ремень Элька, визжит и впечатывается лицом в приборную панель.

Приехали, твою мать!

В ушах стоит тошнотворный звон.

Я тупо смотрю на пошедшее паутиной лобовое стекло, тяжело дыша.

Черт бы побрал этих полоумных баб...

Суки! Чуть не отправились все дружно в ад!

Машина в кювете. Кто-то дергает водительскую дверь. Открывает.

Я вываливаюсь наружу:

– Мужик, ты жив?

– Жив. Надо женщин достать, – стирая с лица пот, осматриваю себя и ощупываю руки-ноги. Вроде отделался легким испугом.

А вот Элька... Эльке не повезло.

Открываю пассажирскую дверь и отшатываюсь: нос сплюснен, вместо рта кровавое месиво, топик залит кровью, волосы торчат в разные стороны.

От красивой девчонки не осталось ровным счётом ничего...

– Эль, выбирайся, – хватаю за руку и тяну на себя.

Она орёт:

– Больно! Не трогай!

Прямо у меня на глазах рука деформируется: закрытый перелом.

Твою же бабушку!

Вспоминаю, что в машине еще жена и подруга. Но их уже вытащили.

– Лен, ты как? – спрашиваю, глядя через капот.

– Иди на хрен! – огрызается.

Вокруг машины суетятся люди, по дороге приближается скорая, мигая сиреной.

Похоже, моей спокойной, сытой жизни пришел конец.

Ладно, как-нибудь разрулится...

Но я даже представить в тот момент не мог, чем это всё для меня обернется...

У дочери схватки, зять в командировке, до мужа дозвониться не могу - просто какой-то апокалипсис!

Но оказалось, что ад меня ждёт впереди: в роддоме в соседней смотровой палате муж наглаживает живот беременной любовницы.

А я даже не в курсе, что его верность - всего лишь иллюзия...

Самая популярная книга моя книга "Развод в 45. Иллюзия верности" (18+)

Читайте, будет интересно!

<https://litnet.com/shrt/4mbf>

Глава 5.

Смерть прежней версии себя – процесс болезненный.

Но только сбросив старую кожу, можно отрастить броню...

Лена

Не понимаю, где я нахожусь. Словно нырнула в глубокий омут и вынырнула на поверхность, но боюсь открыть глаза. Только в нос бьет противный запах чужих приторных духов. Меня тошнит, хочется заткнуть нос от этой мерзкой вони.

И когда поднимаю веки, упираюсь взглядом в знакомый светильник в салоне машины мужа. Головой лежу на коленях у Наташи, автомобиль движется.

Спрашиваю у подруги, где мы и куда едем. Голос хриплый, будто неделю валяюсь с ангиной.

Затем резко сажусь, сознание тут же пытается вернуться в небытие, но силой воли удерживаю его от бегства.

За рулем Руслан, а рядом... Рядом незнакомая девушка, но я и без гадалки понимаю, что это она – любовница мужа.

В груди рождается что-то черное, зловещее, закручивается воронка боли, по краям которой расходятся искры ярости и ненависти. Пожалуй, я еще никогда не испытывала таких сильных чувств.

Меня корежит от потребности вцепиться в лицо этой разукрашенной твари. Она же наверняка знала, что мужчина женат, и все равно прыгнула к нему в койку.

А Верещагин... Он кормил меня ложью на завтрак, обед и ужин, и при этом подавал свои оправдания под соусом МОЕГО БЕЗУМИЯ.

Ненавижу!

Как же я его ненавижу!

Мне нужно выйти из машины, иначе случится что-то страшное...

Я чувствую... Знаю...

Трясу кресло мужа, кричу, вцепляюсь ему в волосы, заезжаю кулаком в нос этой размазанной куклы. И все это происходит словно не со мной.

А я, Лена, сижу где-то сбоку и наблюдаю за ситуацией. Отмечаю про себя, как эффектно получилось разбить нос любовнице. Вижу растерянность и злость Верещагина, шокированного моей выходкой. Смотрю на подругу, вжавшуюся в сиденье и закрывающую глаза от страха.

А мне не страшно. Нисколько...

Наоборот, я просто жажду покалечить тех, кто причинил мне адскую боль.

Вам было хорошо? Вам было весело?

А теперь повеселюсь я. Сделаю так, что вы кровавыми слезами умоетесь. Каждый день будете сожалеть о том, что натворили.

Авария, люди, скорая и снова небытие. И вот я уже в больничной палате. Лежу на жесткой койке, вдыхая мерзкий запах антисептика и лекарств.

Осторожно шевелю руками и ногами. Ничего не болит, кости целы, даже ссадин нет. Но внутри, прямо под ребрами, разливается ледяная пустота. Будто кто-то выкачал из меня все эмоции, оставив лишь этот вымораживающий душу холод в районе пупка.

Поворачиваю голову набок. И замираю...

Это похоже на какую-то злую, извращенную насмешку судьбы. Сюрреалистичный фильм ужасов.

На соседней койке, полусидя на подушках, лежит нечто. От глянцевої силиконовой красоты, которая час назад сидела на переднем сиденье машины моего неверного мужа, не осталось и следа.

Голова Эльвиры обмотана бинтами, из-под которых жалко свисают наращенные пряди. На переносице массивная гипсовая накладка. Под глазами наливаются жутким фиолетово-черным цветом огромные синяки, делая похожей на избитую панду. Правая рука закатана в гипс по самый локоть.

Она не спит. Единственным нормально открывающимся глазом сверлит меня с такой дикой, животной ненавистью, что нормальный человек бы отшатнулся.

Но во мне больше нет страха. Я оставила его в квартире женщины с разными глазами. А в замен получила... дикую силу? Ярость? Безумие?

Эля пытается разлепить разбитые, раздувшиеся губы.

– Очнулафь, фука? – шепелявит и мне хочется смеяться.

Да, это смешно.

Я моргаю, присматриваясь. И вдруг понимаю, почему у нее такая странная дикция. У моей соперницы не хватает передних зубов. Верхний ряд сверкает зияющей черной дырой.

Все, не могу больше сдерживаться. Дикий, истеричный смехок прорывается наружу. Прыскаю и смеюсь, запрокинув голову. На всю палату. Наверное, даже в коридоре слышен этот залиvistый хохот.

Вытираю набежавшие на глаза слезы и чисто из вежливости спрашиваю соседку по палате:

– Что с тобой?

– Фто фо мной?! – взвизгивает Эльвира, пытаясь приподняться на здоровой руке, но тут же охает от боли и откидывается назад. – Ты меня футь не убила, ненормальная! Я лифом в панель влефела! Нос фломан! Фубы выбиты! Рука...

Она задыхается от ненависти, размазывая по щекам злые слезы.

– Я тебя фасужу, флышишь?! Я фаявление напифу! Ты фа всё фаплатишь! И фа операцию, и фа мафину Руфику!

Мне кажется, что я смотрю дурной спектакль.

Снова состояние дереализации: будто все это происходит не со мной.

Не может быть, чтобы я, Лена Верещагина, бухгалтер, примерная мать и верная жена, подралась с любовницей мужа и теперь лежала с ней в одной палате.

Это какая-то другая реальность. Дурной сон.

Дверь в палату резко распахивается, и на пороге появляется Наташа. Она выглядит так, словно только что вышла из салона красоты, по сравнению с Элей. Прическа слегка растрепалась, на лбу красуется внушительная, наливающаяся синевой шишка, а на щеке небольшая царапина. В остальном моя подруга цела и невредима.

– Леночка! Очнулась, слава Богу! – Наташа бросается к моей койке, едва не сбив стул. – Как ты? Ничего не болит?

– Нормально, Наташ, – киваю подруге, смотрю на ее лоб. – А ты как?

– Да ерунда, – отмахивается. – Я на заднем сиденье была, успела сгруппироваться вовремя. А вот некоторым, – она мстительно косится на соседнюю койку, – повезло меньше. Точнее, карма их догнала. Не надо было под женатых мужиков ложиться.

– Фаткнифь! – тут же взвизгивает Эльвира, брызгая слюной через дырку вместо зубов.

Наташа показательно закатывает глаза и снова поворачивается ко мне, понизив голос:

– С Русланом тоже все в порядке. На нем ни царапины. Будто в рубашке родился. Машину только сзади помяли, бампер отвалился. Он Алёнку забрал из садика и отвез к своим родителям. Сказал, пока ты в больнице, дочка поживет у них.

При упоминании дочери внутри все сжимается. Возвращаются панические мысли о том, что муж может при разводе забрать Аленку. Заставляю себя сесть. Голова немного кружится.

– Нет, Наташ, я не собираюсь здесь оставаться, – твердо заявляю, сбрасывая с себя тонкое больничное одеяло. – Мне нужно к дочке.

– Лен, подожди, куда ты вскочила?! – подруга удерживает меня за плечи. – Руслан сам попросил врачей провести полное обследование. Ты очень долго была без сознания! Сначала там, у гадалки, потом около машины упала. Лен... ну, он же как лучше хочет, волнуется за тебя. Правда.

– За себя пусть переживает, козел! – зло выплевываю, сбрасывая ее руки.

Наташа отшатывается, удивленно хлопая ресницами:

– Ленка... я тебя прямо не узнаю. Ты какая-то... другая.

Другая. Да. Прямо в точку.

Смотрю на свои руки, на светлые больничные стены, на покалеченную любовницу мужа.

И вдруг понимаю кристально ясно: мне плевать. Мне абсолютно, тотально все равно, что обо мне сейчас подумает Наташа, врачи или Руслан.

– Я столько лет была удобной, правильной, примерной женой, закрывающей глаза на странности. А точнее, на измены мужа. Всё, устала бояться! Устала считать себя ненормальной психопаткой, пока мне в глаза нагло врал.

Больше никакой спокойной, домашней, уютной Лены нет. Она умерла там, в салоне машины, когда увидела ту, что разрушила семью, – проносятся в голове мысли, но на самом деле я произношу все это вслух.

– Фто ты там бормочешь?! – доносится с соседней койки визгливый голос Эли. Она умудряется приподняться на локте здоровой руки, сверкая красными, кровавыми корками на губах. – Уфтала она! Ифтеричка больная! Ты мне жизнь фломала, ненормальная!

– А ну закрой свой гнилой рот, силиконовая долина! – Наташа мгновенно разворачивается к ней, как боевой терьер. – Скажи спасибо, что вообще жива осталась! Спала с чужим мужем, тянула из него деньги, а теперь еще и пасть открываешь?!

– Он мой муфчина! – орет разлучница, багровея так, что синяки под глазами кажутся еще чернее. Слюни летят во все стороны. – А она – пуфтое мефто! Клужа! Я ваф обеих фасужу! Вы у меня по фтатье пойдете! Руфик лучших адвокатов наймет!

– Русик?! – Наташа встает со стула и делает шаг к ее койке, уперев руки в бока. – А ты в зеркало себя видела, красotka? Кому ты теперь нужна с переломанным носом и без передних зубов? Думаешь, он побежит тебе челюсть новую вставлять? Да он завтра себе новую куклу найдет, целую!

Эти слова попадают в самое слабое место. Задевают за живое. Глаза любовницы наливаются кровью.

– А-а-а-а! Фтерва! – истошно, на одной высокой ноте визжит истеричка.

Хватает здоровой рукой металлический лоток с тумбочки, на котором стоят какие-то пузырьки, и со всей дури швыряет его в нас. Лоток со звоном отлетает от стены, пузырьки бьются, по полу растекается резко пахнущая спиртом жидкость.

Я даже не вздрагиваю.

Внутри меня – абсолютный, звенящий, арктический лед.

Медленно встаю с кровати, чувствуя, как босые ноги касаются прохладного линолеума, и подхожу вплотную к ее койке.

Наташа замолкает, удивленно глядя на меня. Эля тоже давится криком, вжимаясь в подушки под моим тяжелым взглядом.

– Засудишь меня? – спрашиваю спокойно, но от моего тона в палате словно температура падает на десять градусов. – Попробуй. Только для начала попробуй доказать, что это я руль вывернула, а Руслан не справился с управлением, пока пялился на твои голые ноги.

– Ты... ты волофы ему драла! – шипит, но уже с опаской.

– Докажи. А пока будешь доказывать, подумай вот о чем: мой муж любит красивую картинку, ты же сейчас похожа на Франкенштейна. Твой «сосуд для денег» треснул по швам.

Секунда мертвой тишины. Лицо любовницы искажается от первобытной ярости. Она понимает, что я бью в самую ее мерзкую суть.

– Убью-у-у-у! – вопит дурниной, срывая голос.

Начинает колотить здоровой рукой по матрасу, сучить ногами, скидывая одеяло. Она визжит так пронзительно, что у меня закладывает уши. В меня летит подушка. Наташа что-то орет ей в ответ про психушку и смиренную рубашку.

Драйв зашкаливает, палата превращается в поле боя. Звон, грохот, истошные вопли беззубой Эльвиры и отборный мат Наташки сливаются в единую какофонию.

В этот момент дверь с грохотом распаивается настежь. В палату влетают две медсестры и крупный, седовласый врач в очках.

– Что здесь происходит?! – рявкает доктор. – Вы в больнице или на базаре?! А ну-ка прекратили!

Медсестры кидаются к забинтованной дуре, которая бьется в истерике на койке, пытаюсь дотянуться до нас здоровой рукой. Они хватают ее за плечи, укладывая обратно.

– Пуфтите! Они меня убить хофели! – рыдает любовница, размазывая слезы по лицу.

Доктор переводит суровый взгляд на меня и Наташу.

– Посторонним немедленно покинуть палату! – командует подруге, указывая на дверь. А затем смотрит на меня: – Верещагина? Вы почему вскочили с постели? У вас глубокий обморок в анамнезе и авария! А ну-ка быстро легли на место!

– Никуда я не лягу, – отвечаю ровным, ледяным тоном, глядя ему прямо в глаза. – Где моя одежда? Я пишу отказ от госпитализации. Мне нужно к дочери...

Доктор еще что-то говорит, но я не слышу. Звуки доносятся словно сквозь толщу мутной воды.

Подхожу к тумбочке, резко выдвигаю ящик и достаю сумочку. Телефон мертв – черный экран безжизненно бликует в свете больничных ламп. Разрядился. Плевать.

Разворачиваюсь и решительно иду к выходу из палаты. Наташа, ошарашенно хлопая глазами, семенит следом. Придурочная Эльвира на своей койке продолжает скулить и ругаться, но для меня это уже просто белый шум. Пустое место.

В коридоре нас перехватывает дежурная медсестра. Женщина в годах преграждает путь, нахмутив брови:

– Верещагина! Куда это вы собрались? Вас еще не выписали! Хотите уйти – нужно написать официальный отказ от госпитализации, подписать бумаги...

Я молча, даже не сбавляя шага, обхожу ее по дуге и продолжаю свой путь по длинному коридору.

Пошли вы все со своими бумагами...

– Женщина, я охране позвоню на пост, вас не выпустят! – несется в спину.

Опускаю взгляд вниз. На моих ногах надеты безразмерные, затертые до дыр больничные тапки из козла. Интересно, куда делись бежевые босоножки – остались в машине Руслана, потерялись на дороге или в скорой? Неизвестно.

И, что самое удивительное, меня это совершенно не смущает. Я бы сейчас и босиком пошла по битому стеклу, лишь бы скорее вернуть дочь.

Мы выходим на крыльцо приемного покоя. В лицо бьет раскаленный воздух.

– Наташ, – останавливаюсь и поворачиваюсь к подруге. – Вызови мне такси со своего телефона, мой сел. До Комарова, к свекрови.

Наташа судорожно достает мобильный, тычет пальцами в экран, но при этом с тревогой заглядывает в глаза:

– Лен, а давай я с тобой поеду? Ну мало ли... Вдруг ты опять в обморок упадешь? Или с Александрой Сергеевной помощь понадобится, она же женщина скандальная.

Криво усмехаюсь. Губы слушаются с трудом.

– Спасибо, Наташ. Ты со мной сегодня уже съездила один раз. Мне хватило.

Подруга замирает, опустив телефон. В ее глазах плещется настоящая паника.

– Ленка, да что с тобой такое?! – срывается на отчаянный шепот. – Тебя будто подменили! Ты какая-то... неживая! Злая! Холодная! Будто это и не ты...

– А может, так и есть? – спокойно отвечаю. – Может, той глупой, наивной, всепрощающей Лены больше не существует? Я устала быть удобной, Наташ. Сейчас поеду и заберу свою дочь. А потом приду в нашу квартиру, соберу шмотки Верещагина в мусорные мешки и выставлю за дверь. И пусть он только попробует мне хоть слово сказать.

Желтая машина такси с шашечками плавно тормозит у обочины. Я молча открываю дверцу и сажусь на заднее сиденье, оставляя растерянную подругу на тротуаре.

Дачный посёлок «Комарово» находится недалеко от города. Договариваюсь с водителем, чтобы подождал и отвез обратно. Калитка открыта, дверь в дом – тоже.

Александра Сергеевна, мать Руслана, встречает меня недовольным взглядом и поджатыми губами. Сканирует меня с головы до ног, спотыкаясь на нелепых больничных тапках, и в глазах вспыхивает торжествующее злорадство.

Она всегда меня недолюбливала. Считала «серой мышью», недостойной ее золотого мальчика.

– Зачем явилась? – спрашивает раздражённо, не приглашая пройти в комнату, присесть. – Руслан звонил. Сказал, ты совсем головой поехала. В аварии чуть его не угробила! На людей бросаешься!

– Где Алёнка? – сухо перебиваю нелепую тираду. Отодвигаю женщину плечом и прохожу мимо.

– Куда ты прешь в обуви?! – взвизгивает свекровь. – Я ребенка тебе не отдам! Руслан сказал, чтобы девочка была у меня, пока тебя обследуют. Ты неадекватная! Я сейчас сыну позвоню, он приедет и живо с тобой разберется!

Я не слушаю этот визг. Прохожу в кухню и вижу дочь.

Пятилетняя Алёнка сидит на диване перед телевизором. Мое сердце на секунду сжимается от нежности, а затем меня окатывает волной раздражения. Личико дочки, ее ручки и любимое розовое платьице щедро перемазаны красным соком. Перед ней стоит миска с клубникой, в руках сжимает наполовину съеденную ягоду.

Меня захлестывает волна гнева.

– Вы же знаете, что у Алёнки аллергия на клубнику? – чеканю, выхватывая ягоду из липких детских пальчиков. – Завтра она вся сыпью покроется, начнет чесаться до крови. Придется на ночь ударную дозу супрастина давать! Вы специально это делаете?

Свекровь надменно вскидывает подбородок, поправляя домашний халат.

– Подумаешь, аллергия! – отмахивается с таким пренебрежением, словно я сказала очередную глупость. – Выдумали тоже! Раньше никаких аллергий не знали, и дети здоровее были. Зато витамины! И ягодки свои, с дачи, без химии всякой магазинной! Как ребенок без витаминов расти будет с такой мамашей?

Сжимаю челюсти так, что скрипят зубы. Достая из сумки влажные салфетки и начинаю методично оттирать липкие щеки дочери.

– Мамочка! – Алёнка тянет ко мне перепачканные ручки. – А где папа? Почему ты одна за мной приехала? Папа сказал, что вы в больницу поехали, потому что ты заболела.

Детский наивный вопрос бьет прямо под дых. Но я заставляю себя улыбнуться. Спокойно, мягко, чтобы не напугать ее.

– Папа занят, котенок, – ровным тоном отвечаю. – А тапки... это новая мода такая. Больничная. Поехали домой, малыш. Машинка ждёт.

– Никуда вы не пойдете! – свекруня грудью встает в дверном проеме, сверля меня ненавидящим взглядом. – Руслан запретил отдавать тебе ребенка! У тебя сотрясение мозга или что похуже! Я сейчас же позвоню сыну!

Она театрально выхватывает из кармана халата допотопный мобильный телефон и начинает судорожно тыкать в кнопки своими толстыми пальцами с облупившимся маникюром.

Я подхватываю Алёнку на руки, беру ее рюкзачок и подхожу вплотную к свекрови. Настолько близко, что она инстинктивно вжимает голову в плечи.

– Звоните, Александра Сергеевна, – говорю почти шепотом, но от моего тона женщина вздрагивает. – Звоните своему золотому сыночку. Заодно спросите, как поживает его силиконовая подстилка Эля, с которой он катается в рабочее время. И передайте, что если он прямо сейчас не приедет собирать свои манатки из нашей квартиры, я их просто вышвырну с балкона.

Глаза свекрови округляются, телефон замирает в руке. Она явно не ожидала от меня такого отпора.

Удобная, тихая Лена, которая всегда опускала глаза и извинялась за каждый чих, умерла. И перед ней сейчас стоит совершенно незнакомая женщина.

– Да ты... Да ты... Обнаглела вконец! Руслан тебя из грязи вытащил, отмыл, выучил, на работу устроил! А ты ещё сказки про него рассказывать вздумала?! Да если и завел кого, то ты сама в этом виновата! Ни кожи, ни рожи, мышь серая!

– Замолчите или я...

– Что – ты? Ну что – ты? – уперев руки в бока, наступает свекровь. Я пячусь с Алёнкой на руках к двери, а в груди закручивается воронка тьмы.

– Я проклинаю вас и вашу дачу! Чтоб вы сгорели вместе с ней и вашей клубникой! – кричу в сердцах и выбегаю из дома, оставив свекровь молча открывать и закрывать рот за моей спиной.

Мы едем домой на такси. Алёнка быстро засыпает у меня на коленях, убаюканная ритмичным гулом мотора.

А в моей голове уже крутится четкий, пошаговый план.

Развод. Быстро, жестко, без сантиментов. Я подам заявление завтра же утром.

Самое главное – квартира. Наша просторная «двушка» в хорошем районе. Мы купили ее три года назад. Основная сумма — это деньги от продажи квартиры моей покойной матери. Мое наследство. Руслан тогда вложил лишь небольшую часть, свои накопления плюс потребительский кредит, который мы закрыли вместе.

Мысленно считаю, как можно решить проблему. Я возьму кредит в банке на свое имя. Выплачу Руслану ту сумму, которую он внес, до копейки. Отдам ему его долю, и пусть катится на все четыре стороны, к своей беззубой Эле.

Он не должен претендовать на большее, это было бы просто подло с его стороны.

Смотрю в окно на мелькающие фонари родного города, чувствуя себя удивительно собранной. План кажется идеальным и справедливым.

Но я еще не знаю, что мой муж так совершенно не думает.

И что настоящая война за выживание начнется не с измены, а с раздела квадратных метров...

Друзья, хочу порекомендовать вам ещё одну книгу - роман "Цена развода"(18+).

Это реальная история, в которой заменены имена настоящих действующих лиц.

Иногда нам кажется, что развод - самое большое горе, которое случилось с нами.

А через время оказывается, что это была дверь в новую счастливую жизнь...

<https://litnet.com/shrt/4YiX>

Глава 6.

Идеальная жена – это та, которая не задает лишних вопросов, вкусно готовит и никогда не проверяет телефон.

А идеальная любовница – та, которая никогда не встречается с женой.

Руслан

Двери приемного покоя с неприятным хлопком закрываются за моей спиной, отсекая мерзкий запах больницы. Спускаюсь по ступенькам на залитый солнцем асфальт.

Мысленно поздравляю себя. Можно сказать, родился в рубашке. Ни царапины, ни сотрясения – только шею немного тянет от резкого рывка ремня безопасности.

Получается, отделался легким испугом...

Эльке повезло куда меньше. Лицо всмятку, рука сломана, зубов нет. Жалкое зрелище. Честно говоря, когда смотрел на нее, как-то брезгливо стало. Вся идеальная, кукольная красота слетела в один миг.

А вот мою машину, чей разбитый в хлам задний бампер и помятый багажник обойдутся в копейчку, если страховая не возместит, по-настоящему жалко. Попал на серьезные бабки и виноваты в этом безмозглые бабы.

Если бы черт не понес Ленку с Натахой в пригород, ничего бы не случилось. А теперь остается только дожидаться вердикта врачей и понять, что с женой.

Ясно одно: крыша у моей тихой, удобной жены конкретно подтекает. Чтобы она вот так, как дикая кошка, на людей бросалась? Да такого за все годы нашего брака ни разу не было!

Ну да, могла поплакать в подушку, поорать слегонца, если я поздно приходил. Могла поистерить из-за какой-нибудь мелочи. Но чтобы вот так?! Вцепилась мне в волосы обеими руками, орала дурниной, едва скальп не сняла, сумасшедшая дура!

Чуть всех на тот свет не отправила. Видать, и правда по стопам своей шизофренички-мамаши пошла...

Главное теперь, чтобы эта встреча жены и любовницы не вылилась в серьезную проблему. А вдруг Ленка сейчас полежит в больничке, накрутит себя, взбрыкнет и решит подать на развод?

От этой мысли по спине пробегает неприятный холодок.

Нет уж. Разводиться я не планирую. Лена меня полностью устраивает как жена. У нее дома всегда чистота, рубашки наглажены, дочка ухожена.

А Элька? У Эльки в голове сквозняк: только клубы, шмотки, бутики да салоны красоты. Никаких шей-борщей и уюта от нее не дождешься.

Для постели она отлично подходит, а для семьи совершенно не годится. С такими, как Элька, только трахаются, а женятся на таких, как Ленка.

Придется как-то успокоить Лутову. Куплю ей кольцо или цепочку. Она, как сорока, падкая на всё блестящее. Свою куда-нибудь, когда морду отреставрирует.

Подуется и простит. Куда она денется?

Ладно, проблемы надо решать по мере их поступления...

Вызываю эвакуатор. Еду с мужиками за машиной, затем отвожу в сервис, отдаю в ремонт. Смотрю на смятый металл внедорожника, и сердце кровью обливается.

Все из-за этих баб!

Затем вызываю такси, еду в садик, забираю Алёнку и везу к своим родителям на дачу.

Мать оглядывает нас цепким, недовольным взглядом, поджимая губы.

– Привет, – здороваюсь, подталкивая дочку к бабушке. – Мы тут в ДТП небольшое попали.

Мать ахает, прижимая руки к груди.

– Господи! Руслан! Ты цел?! А Аленка как? Деточка моя, где у тебя болит? – наклоняется к внучке и начинает лихорадочно щупать ее руки и ноги.

– Алены в машине не было. Я в порядке я, ни царапины. С Леной тоже с виду все нормально, но врачи настояли, чтобы она осталась на обследование. В обморок падала. Да и вообще... в последнее время странно себя ведет. Нервная какая-то, агрессивная.

Мать выпрямляется и меняется в лице. Вместо тревоги за меня проступает ее любимое выражение злорадства.

– А я говорила тебе! – назидательно кивает. – Говорила, что не надо было жениться на этой голодранке! У нее же за душой ни гроша не было, ни связей, ни воспитания! Но ты же меня не слушал! Сам все решил. Ну вот, теперь мучайся!

Устало тру переносящу.

– Мам, хватит, а? – прошу, пытаюсь остановить этот набивший оскомину монолог, который слушаю уже шесть лет.

Но Александру Сергеевну не так-то просто заткнуть, если она села на своего любимого конька.

– Что «хватит»?! Бабка у нее была с прибабахом, мамаша сумасшедшая, а теперь и у твоей Ленки проблемы с головой начались. Дурная наследственность, Руслан! Я тебя предупреждала!

– Так, всё! – жестко обрываю. – Пусть Алёнка у вас поживет несколько дней. У меня на работе сейчас завал, парни в отпуске уходят, график трещит по швам. Плюс с машиной надо что-то решать, со страховкой разбираться. Мне за ребенком смотреть некогда.

Мать недовольно поджимает губы, но смягчается, глядя на внучку, которая стоит опустив голову и прижимая к себе рюкзачок.

– Ладно, ладно, иди уж. А мы тут с внучечкой пока мультики посмотрим. Да, Алёнушка? Дочь шмыгает носом и поднимает на меня огромные, испуганные глаза.

– Папа... а где мама? Я к маме хочу, – тоненько канючит, дергая лямку детского рюкзака. Я присаживаюсь перед ней на корточки, натягивая на лицо дежурную улыбку.

– Мама заболела, котенок. Поживи пока у бабушки с дедушкой, хорошо? Побудь умницей.

Дочка кривит губы, собираясь заплакать, но тут вмешивается мать.

– Алёнка, ну-ка не капризничай! – строго выговаривает, перехватывая инициативу. – Дедушка сегодня на рыбалку ушел. Принесет тебе живого карасика! Хочешь? Нальем в большую стеклянную банку воды, и будет у тебя своя Золотая Рыбка. Та самая, из сказки, которая желания исполняет!

Глаза ребенка мгновенно высыхают. Алёнка радостно хлопает в ладоши, забыв про слезы.

– Баба! Я тогда попрошу рыбку, чтобы мама скорее за мной приехала!

Лицо Александры Сергеевны каменеет. Она гладит внучку по голове и капает ядом:

– Да что хочешь проси у рыбки, золотце. Только мама твоя... Мама сейчас занята своими делами. Ей не до тебя, деточка. Не нужна ты ей сейчас.

Резко выпрямляюсь и бросаю на мать тяжелый, предупреждающий взгляд.

Я прекрасно знаю, что Александра Сергеевна при любой возможности говорит внучке про Лену гадости. А теперь, когда жена в больнице, она уж точно не упустит шанса донести до малышки, какая у нее никудышная мать.

Но вступать в ссору с матерью не спешу. Она и взбрыкнуть может, куда мне тогда дочь деть?

Чтобы разгрести свои проблемы нужно время и свободные руки. И если Алёнка посидит на даче несколько дней – ничего страшного с ней не случится.

– Ладно, я поехал, – бросаю, разворачиваясь к двери. – Звони, если что.

Выхожу из дома и достаю телефон, чтобы позвонить своему другу – Сашке Митрохину. У него три тачки на ходу, парень с ума по машинам сходит. Покупает за копейки разбитые в хлам и восстанавливает, а потом продает. Попрошу у него на пару недель покататься какую-нибудь машинку.

И я даже не предполагаю, какой сюрприз ждет меня вечером дома...

Свадьба. Беременность. Измена. Развод.

Снова свадьба. И снова измена.

Два раза снаряд в одну воронку не падает?

Да что вы говорите...

Прежде, чем выйти замуж в третий раз, наша девочка нашла лекарство от измен.

Холодное, как льды Арктики, и надёжное, как швейцарские часы.

Хотите узнать, какое?

Рецепт в романе "Лекарство от измен" (18+)

<https://litnet.com/shrt/YeUi>

Глава 7.

Самая фатальная ошибка хищника – до последнего верить, что жертва навсегда останется травоядной...

Руслан

До глубокой ночи я, как проклятый, езжу по городу на выдавшем виды Логане.

Мой друг и по совместительству владелец автосервиса Сашка Митрохин предложил на выбор две тачки: старенькое Рено или Фольксваген Гетц. В салон Гетца с моими габаритами даже дышать было трудно, слишком там тесно, колени руль подпирают.

Пришлось взять этот скрипучий Логан, провонявший дешевым пластиком и чужими сигаретами. Контраст с моим разбитым внедорожником просто убивает.

В половине первого ночи наконец-то добираюсь домой. Вымотанный, злой, с гудящей головой и урчащим от голода желудком.

Открываю дверь в квартиру, делаю шаг вперед в крошечную темноту, привычно шаря по стене рукой в поисках выключателя, и едва не падаю на пол, больно споткнувшись обо что-то массивное.

Громко матерясь сквозь стиснутые зубы, кое-как удерживаю равновесие. Нашупываю кнопку, щелкаю выключателем. Вспыхивает свет.

Замираю и пораженно смотрю на пол. Прямо поперек коридора выставлены два огромных чемодана и необъятный клетчатый баул.

Это что за новости?! Ленка решила меня бросить? И куда она пойдет, на ночь глядя? К тетке в деревню поедет грядки полоть? Или к подружке своей чокнутой Наташке на коврик в прихожей?

Раздаются тихие шаги. Из комнаты в халате, наброшенном поверх ночной рубашки, выходит жена. Лицо бледное, осунувшееся, но во взгляде нет привычной покорности.

– Не кричи, Алёнка спит, – шипит недовольно, скрещивая руки на груди.

– Какого хрена ты тут баррикаду устроила? – возмущаюсь, стараясь приглушить тон, хотя внутри все кипит от усталости и злости. Пинаю ближайший чемодан носком кроссовки.

– Я собрала твои вещи, Руслан, – ровным голосом отвечает она. – У тебя есть любимая женщина, вот и отправляйся к ней.

Смотрю на нее, как на умалишенную.

– С дуба рухнула? Или башкой в аварии ударилась и совсем крыша улетела?

– Это у тебя с головой не все в порядке, если ты думаешь, что я смогу простить измену.

Господи, за что мне это? У меня адский день, разбитая в хлам дорогая машина, разборки со страховкой, а теперь еще эти дешевые кухонные драмы!

– Я ничего не думаю, – цежу, стягивая пиджак и бросая его на пуфик. – Спать хочу, как хрен знает кто. Ты на часы смотрела? Половина первого! Давай утром поговорим.

Пытаюсь обойти чемоданы, чтобы пройти в спальню, но Ленка преграждает путь.

– Хорошо. Но ты спишь на диване в гостиной.

Останавливаюсь. Закипаю окончательно.

– С хрена ли, дорогая? Я сплю в своей кровати. А если тебе не нравится мое присутствие – можешь сама перебраться на диван.

– Верещагин, мне кажется, ты не понял...

Грубо перебиваю:

– Когда кажется – креститься надо! Всё. Я спать. И вещи мои завтра разбери обратно. Я никуда уходить не собираюсь.

Отодвигаю жену плечом и прохожу в спальню, с грохотом захлопнув дверь. Снимаю одежду, падаю на матрас.

Сплю один. Ленка не только сама ушла на неудобный жесткий диван в гостиную, но еще и дочку с собой утащила, словно я какой-то прокаженный.

Дурында! Ничего, повыделывается и успокоится...

Утром просыпаюсь от звона посуды на кухне. Надеваю штаны, иду в ванную и вижу в коридоре все те же чертовы чемоданы и баул. Никто их не разобрал.

Значит, закусил удила, упрямая идиотка. Ничего, пусть позлится, пар выпустит. Мне сейчас не до ее истерик.

Наскоро умывшись и почистив зубы, перемещаюсь в кухню. Надо перекусить и на работу пораньше приехать, посмотреть, что там с графиком на ближайшие дни.

Ленка сидит за столом в свежей шифоновой блузке, невозмутимо пьет кофе. Аленка рядом размазывает ложкой по тарелке манную кашу.

Я бросаю взгляд на стол. Напротив моего стула пусто. Ни привычной глазуньи с беконом, ни бутербродов с сыром. Похоже, в этом доме меня кормить больше не собираются.

– Что у нас есть пожрать? – раздраженно спрашиваю. Открываю холодильник и сканирую взглядом полки. Йогурты дочери, кусок колбасы, коробка с яйцами.

Лена медленно опускает чашку на блюдце.

– У НАС с Аленкой каша, кофе и чай. А что У ВАС на завтрак – я не знаю.

С силой захлопываю дверцу холодильника.

– Не строй из себя стерву, Лена. Тебе не идет. С этим родиться надо, а ты овца по жизни.

– Мне плевать на твои советы, Верещагин, – не глядя на меня, отрезает.

И тут мне окончательно срывает планку. Весь стресс, весь страх вчерашней аварии, бессонная ночь и это наглое, презрительное отношение жены сливаются в один ослепляющий поток ярости.

Я разворачиваюсь, делаю шаг к столу и со всего маху скидываю с него всё, что попадает под руку. Чашку с горячим кофе, тарелку с кашей, сахарницу, чай!

Посуда с оглушительным звоном разбивается о плитку на мелкие осколки. Горячий кофе брызгает на фасады шкафчиков. Дочь вздрагивает и тут же начинает реветь в голос от испуга, закрыв лицо ладошками.

Жена резко встает из-за стола. Она смотрит на меня расширенными то ли от страха, то ли от гнева глазами.

И вдруг по моей спине пробегает колючий, ледяной холодок.

Я моргаю, не веря своим глазам. Ее зрачки стремительно расширяются, затапливая радужку почти полностью. Превращая глаза в два бездонных, черных омута.

Лицо становится неестественно бледным, как полотно, похожим на восковую маску. От нее веет таким жутким, потусторонним холодом, что я инстинктивно сглатываю и делаю шаг назад, хрустя осколками посуды.

– Забирай вещи и уходи отсюда, – спокойным, абсолютно ледяным, мертвым тоном отдает она приказ.

Приказ? Мне?! В моей собственной квартире?

Да ты совсем с катушек съехала, Ленусик!

– А если не уйду? – бросаю с вызовом, пытаюсь стряхнуть с себя наваждение.

– Если не уйдешь – пожалеешь, – всё так же, не моргая, глядя сквозь меня, чеканит Ленка.

– Не дождешься! Да и что ты можешь сделать мне, скудоумная? – гадко улыбаюсь, чувствуя, как адреналин колотится в висках.

В этот момент слышу, как в комнате на тумбочке надывается мой мобильный телефон.

Прохожу мимо жены, едва не задев ее плечом, и ловлю себя на остром, диком желании ударить наотмашь по этому бледному, надменному лицу.

Но сдерживаюсь. Нельзя распускать руки, потом проблем не оберешься. Да и дочку испугаю.

Влетаю в спальню, хватаю трубку. Номер незнакомый.

– Да? – рявкаю зло.

– Руслан Владимирович? – интересуется хрипловатый мужской голос.

– Да, это я. Слушаю.

– Вас беспокоит следователь Зуев. Сегодня ночью на даче ваших родителей в Комарове случился пожар. Дом выгорел почти полностью. Владимир Анатольевич сейчас находится в тяжелом состоянии в реанимации, у него ожоги третьей степени. А ваша мать... Александра Сергеевна Верещагина погибла. Примите мои соболезнования.

Слова доходят до меня словно сквозь толстый слой ваты. Звук голоса следователя искажается, растягивается. Воздух в спальне вдруг становится густым и тяжелым.

– Что, простите? – сиплю пересохшими губами. В голове звенит. – Я... я не совсем понял...

– Был пожар, Руслан Владимирович. Замыкание или поджог – установит экспертиза. Ваша мать погибла на месте, отец в больнице. Вы сможете сегодня подъехать в отделение для опознания и дачи показаний?

Следователь еще что-то монотонно говорит про документы, про морг, но я уже не слышу.

Медленно опускаю руку с зажатым в ней телефоном и тяжело сажусь на кровать, потому что ноги больше не держат.

Внутри стремительно разрастаются жгучая боль, паника и тошнотворное чувство вины.

Еще вчера вечером я разговаривал с матерью. Слушал ее ворчание, привез к ней Аленку. Она обещала внучке показать рыбку...

А сегодня ее больше нет. Она сгорела. Сгорела заживо...

Стоп!

Мысль пронзает затуманенный мозг, как молния.

Аленка!

Я же вчера лично отвез дочь к родителям на дачу! Как Аленка оказалась дома?

Получается, Ленка сбежала из больницы и ездила на дачу. Забрала дочь.

А потом... после ее отъезда случился пожар.

Не могла же она... Или могла?

Сумасшедшая, доведенная до ручки баба с черными глазами, обещающая, что я покалею?

Резко поднимаю взгляд от пола и вижу жену. Она бесшумно подошла и теперь стоит в дверях спальни, скрестив руки на груди.

В глазах больше нет той пугающей черноты, только тревога.

– Руслан, что случилось? – спрашивает, напряженно вглядываясь в мое посеревшее лицо.

– Дача сгорела, – хриплю, как будто сам наглотался дыма и опалил горло огнем. – Родители были в доме. Мать погибла.

Лена ахает и в ужасе прикрывает рот ладонями. Ее глаза расширяются, зрачки опять становятся огромными.

Я встаю с кровати. Медленно, как хищник перед броском, подхожу к ней вплотную.

– Это ты их сожгла? – задаю вопрос прямо в лоб, впиваясь взглядом в дрожащие губы.

– Не... не знаю... – заикаясь, шепчет внезапно побледневшая супруга, пятясь в коридор.

Хватаю за плечи, больно впиваясь пальцами в ключицы. Трясу изо всех сил, как тряпичную куклу.

– Лен, что ты сделала?! Отвечай!!!

Она смотрит на меня с искренним, первобытным ужасом.

По щеке катится слеза.

– Ничего, Руслан... Я клянусь, ничего! Я просто говорю... и сбывается...

Новый год удался: я застала мужа на корпоративе с беременной любовницей!

"Скандал, развод и Новый год". Завершено.

Книга живёт здесь:

<https://litnet.com/shrt/n0Ry>

Глава 8.

*Если годами внушать человеку, что он монстр,
не стоит удивляться, обнаружив однажды у него клыки.*

Лена

Иду за Русланом в спальню.

Точнее, меня ЧТО-ТО тащит за ним, как на невидимом аркане. Мои ноги словно двигаются сами по себе по усыпанному осколками полу.

Туман ярости в голове потихоньку рассеивается, пульс замедляется, и я внезапно ужасаюсь тому, что только что наговорила мужу.

Господи... Я же никогда... Никогда раньше так себя не вела!

Никому зла не желала даже в мыслях, была тихой, сглаживала углы, а тут изо рта всякая чушь сыплется с такой ледяной уверенностью, будто я имею право ломать чужие судьбы.

Когда я стала такая... злая и холодная?

Или это закономерно получилось: если человеку всё время лгать, говорить, что он неадекватный, сумасшедший, то он постепенно таким и становится?

Отрачивает шипы, чтобы защититься. Когти, чтобы царапаться. Жало, чтобы возвращать обидчиком боль...

Останавливаюсь в дверях спальни, зябко прижимаю к груди переплетенные руки.

Холодно... Мне снова невыносимо, до ломоты в костях холодно, хотя на улице стоит жара. Этот холод идет изнутри.

Смотрю на Руслана, сидящего на краю кровати, и понимаю: произошло что-то ужасное. Верещагин в принципе умеет держать удар. Он жесткий, пробивной мужик, которого ничем не проймешь, а тут...

Он побледнел так, что губы слились с кожей, руки трясутся, дышит тяжело и уставился в пол невидящим, стеклянным взглядом.

Осторожно спрашиваю, что случилось, и волосы на теле мгновенно встают дыбом от новостей.

На даче был пожар. Свекровь сгорела. Свекор в реанимации с тяжелыми ожогами.

В ушах начинает звенеть. Комната перед глазами кренится вбок.

С ужасом вспоминаю, как вчера, забирая Алёнку, в сердцах пожелала Александре Сергеевне сгореть вместе с дачей, клубникой и нравоучениями.

А потом перед глазами яркой вспышкой встает наша поездка в машине. И то, как я, вцепившись мужу в волосы, прокляла любовницу Руслана, пообещала лишить ее красоты, сделать уродиной.

По факту так все и вышло! На Эльвиру теперь смотреть страшно: сломанный нос, выбитые зубы, обезображенное лицо.

И вот теперь – пожар...

Получается, все, что я говорю, сбывается?! Ужас какой...

Меня начинает трясти, мозг снова погружается в какой-то кисельный морок.

Руслан смотрит затравленным взглядом и в лоб спрашивает, не я ли подожгла дом, когда забирала Алёнку.

И он прав. Господи, он абсолютно прав! Я устроила этот пожар, только не руками, не спичками, а своими словами и черными мыслями.

Проклятием, вылетевшим на пике эмоций...

Значит, я убийца?! Я убила мать своего мужа?

Отступаю на шаг. Меня душит паника.

Признаюсь в содеянном, вываливая на него этот мистический ужас, надеясь, что Верещагин поймет и мы вместе решим, что с этим делать.

Но муж только кривит губы. Мое признание не пугает его. Наоборот – бесит.

– Чушь собачья! – рывкает, резко вскакивая с кровати. Горе в глазах мгновенно сменяется привычной агрессией. – Совсем кукухой двинулась! Там наверняка проводку замкнуло. Батя говорил, что рядом со счётчиком провод искрит, а мне все некогда было посмотреть.

Он суетливо натягивает рубашку, застегивая пуговицы дрожащими пальцами.

– Ладно, я поехал к следователю в отдел, – бросает приказ, не глядя на меня. – А ты разбери вещи. И, Лена, я не шучу. Ещё раз взбрыкнешь, устроишь мне тут концерт с чемоданами – выкину тебя из квартиры. Поняла? Будешь по улицам шляться и ссать по подъездам, как твоя полоумная мать!

Боже... Верещагин бьет в самую больную точку. Жестоко, наотмашь.

Проходит мимо, задевая меня плечом, и через минуту хлопает входная дверь.

Я сползаю по косяку на пол, обхватываю колени.

Аленка закрылась у себя в комнате и наверняка надела наушники, как всегда делает, лишь бы не слышать нашу ругань.

Немного посидев в звенящей тишине, заставляю себя подняться. Иду на кухню. Опускаюсь на колени прямо в лужу остывшего кофе и начинаю собирать осколки тарелок.

Реву. Слезы застилают глаза, катятся по щекам, капаят на битый фарфор.

Режу пальцы в кровь об острые края разбитой сахарницы, но даже не чувствую боли. Кусаю губы так, что во рту появляется солоноватый металлический привкус, лишь бы Аленка не слышала моих рыданий.

Лихорадочно думаю, что делать дальше.

Верещагин не уйдет, он ясно дал это понять. И развода не даст.

Для него я удобная прислуга, бесплатная няня и ширма идеальной семьи.

И он действительно может выгнать меня из дома, потому что наглее, жестче и банально сильнее физически.

А что могу я?

Только плакать, собирая осколки с пола и закатывать жалкие истерики, уже точно зная, что муж мне изменяет? Жить с ним под одной крышей, зная, что он спит с другой?

И бояться собственных мыслей, потому что стоит мне разозлиться на человека – и с ним происходит несчастье?

В этот момент перед глазами яркой вспышкой встаёт лицо Ирины. Полумрак ее квартиры, спина удаляющегося изнуренного старика.

И я четко, словно наяву, слышу в голове ее хриплый голос:

– Приедешь еще не раз...

Роняю окровавленный осколок на пол и нахожу единственный вариант: решаюсь отпроситься с работы и снова поехать к гадалке... за советом.

Я должна защитить себя и свою дочь...

Механически собираю дочку, стараясь не смотреть ей в глаза, чтобы она не увидела моего страха.

Малышка молчит. Она становится тихой и безучастной после наших ссор с Верещагиным. На мои попытки выбраться из этой «норки», только качает головой.

Господи, как же я хочу развода! Чтобы жить спокойно, только я и дочка. Не рыдать ночами в подушку и не прятать опухшие глаза от нее по утрам. Она маленькая, но все понимает...

Отвожу Аленку в детский сад, выхожу за ворота, прислоняюсь к холодному металлическому забору и достаю телефон. Звоню на работу, говорю главбуху, что приболела и прошу отгул. Обещаю выйти в субботу, у нас так можно.

Мария Федоровна без проблем отпускает, зная, что я потом отработаю с лихвой. И за себя, и за нее, и за того парня.

Лена – исполнительная лошадка, на ней все ездят. Как говорит Наташка: «Кто везет, на том и пашут». Это про меня. Стопроцентное, обидное попадание.

Так уж получилось, что с детства мама мне внушала: блага в этой жизни просто так никому не даются. Их нужно заработать, заслужить, быть хорошей, послушной девочкой, не отсвечивать и не требовать лишнего.

Вот я и научилась... работать. Много и без отдыха. Тянуть на себе быт, мужа, ребенка, отчеты.

И терпеть. Замечания, несправедливые обвинения, ложь, претензии... Сжимать зубы, глотать подступающие слезы и молчать.

Домолчалась.

А теперь вся, накопленная годами агрессия, словно прорвавшаяся плотина, вырывается пожеланиями увечий, несчастий, смерти...

Как это случилось? Неужели мой мозг и правда поражен наследственным заболеванием?!

Эта мысль бьет под дых, заставляя задыхаться. Бабушка, потом мама, теперь я... Дурная кровь.

Вдруг я просто не осознаю, что больна, хотя муж давно говорит мне об этом?

А сцена в машине, сломанный нос любовницы и пожар на даче... Может, это всё галлюцинации, бред воспаленного разума, и мне нужно не к гадалке бежать, а сдаваться психиатру?!

Все эти мысли роем жужжат в голове, пока еду в дребезжащем автобусе. Окончательно уверившись, что с миром все окей, а вот я не в порядке, со всей силы щиплю себя за руку. Прямо над запястьем.

Дергаюсь от резкой боли, на коже моментально проступает красный след.

С шумом выдыхаю и успокаиваюсь: реальность такая, какой я ее вижу. А фантазия – мой недуг, в котором меня убеждает Верещагин...

Дом Ирины в частном секторе нахожу безошибочно, будто меня снова кто-то ведёт на веревочке. Ноги в балетках легко ступают по деревянным мосткам, я будто земли под собой не чувствую.

Снова в глаза бросается выжженное под окном место. Черное, мертвое пятно посреди зеленой травы. Но я быстро отворачиваюсь: страшно смотреть в ту сторону. От этой аномалии веет могильным холодом.

И страшно открыть дверь в квартиру, где со мной что-то сделали.

А ведь я снова пришла...

Верещагин прав – я тупая дура, раз пытаюсь решить жизненные проблемы с помощью магии. Но другого выхода пока не вижу.

Захожу в подъезд, нажимаю на звонок. Внутри квартиры тихо, шагов не слышно.

Позвонить второй раз духу не хватает. Палец замирает в миллиметре от кнопки. Мне словно дают шанс передумать, развернуться и убраться отсюда подобру-поздорову.

Но когда я уже опускаю руку, готова сдать и сбежать, щелкает замок. Дверь открывается, и на пороге появляется гадалка.

Ирина в фиолетовом шелковом халате с золотыми павлинами, с мокрыми, зачесанными назад волосами и с тканевой косметической маской на лице.

Эта белая влажная тряпка с прорезями для глаз выглядит совершенно абсурдно на ней, диссонируя с мрачной аурой дома, и заставляет меня приоткрыть рот от удивления.

Женщина осматривает меня тяжелым взглядом сквозь прорези маски и приглашает внутрь:

– Проходи давай, что застыла на пороге. Говорила же, что вернешься.

– Я только спросить... – блею тоненьким, дрожащим голосом, как овца, подготовленная на заклятие.

– Все вы «только спросить». А потом аппетиты вырастают, – грубо одергивает меня Ирина и тяжелыми шагами идет по коридору в свою комнату, совершенно не сомневаясь, что я семеню за ней.

В комнате сумрачно, пахнет жженым воском и какими-то сладкими травами. На столе опять колода карт, раскинутая на черном платке с вышитыми серебром пентаграммами.

От ужаса во рту мгновенно становится сухо, язык прилипает к нёбу. Сердце готово просто сбежать из груди, пробив ребра, и передать управление кровоснабжением моему поврежденному глупостью мозгу.

Гадалка невозмутимо снимает маску, комкает ее и бросает в мусорное ведро. Размазывает по лицу остатки липкого косметического состава. Затем берет с кресла полотенце, промакивает волосы и закручивает их на макушке в небрежный пучок.

Я стою посреди комнаты и не знаю, куда себя деть. Внутри пульсирует стойкое, животное желание уйти, но ноги словно намертво приросли к полу.

– Садись давай, чего встала? Я сейчас вернусь, – бросает мне грубо и, шаркая тапочками, выходит из комнаты.

Самый подходящий момент, чтобы сбежать. В животе скручивается тугий узел паники.

Я уже спинным мозгом чувствую, что этот визит обойдется мне дорого, и далеко не в плане денег. Но так хочется все исправить...

Вернуть себе – себя. Ту обычную, безопасную Лену, от слов которой люди не горят заживо и не ломают кости.

В комнату заглядывает мужчина, которого мы видели в первый визит. Мне кажется, он еще больше постарел, глаза впали, кожа стала желтого воскового цвета.

Отшатываюсь, как от прокаженного.

– Здравствуйте, – заикаясь, произношу.

Он не отвечает. Исчезает так же незаметно и бесшумно, как и появился.

У меня по спине ручьем течет холодный пот.

Господи, да что тут происходит?!

Ирина возвращается с колодой карт Таро. Они старые, с потрепанными, затертыми краями, и веет от них каким-то глухим, могильным холодом, от которого по рукам бегут мурашки.

Осторожно, стараясь не скрипеть ножками, усаживаюсь на деревянный стул.

– Ну, чего спросить-то хотела? – не спускает с меня жутких, разноцветных глаз гадалка, тасуя колоду.

Громко сглатываю комок в горле.

– Что вы со мной сделали? – голос дрожит, но усилием воли заставляю себя смотреть ей в лицо. – Теперь, что бы я ни сказала, оно сбывается.

Женщина криво усмехается, обнажая желтоватые зубы.

– А ты чем-то недовольна? Обычно за такое благодарят.

Я молчу. Что-то нет желания рассыпаться в благодарностях за то, что ты стала оружием массового поражения.

Гадалка вздыхает, опускает глаза на колоду:

– Ну, во-первых, я дала тебе инструменты. Правду о муже, за которой пришла, ты узнала? Узнала. Во-вторых, как ты пользуешься этими инструментами – твое личное дело. И, в-третьих, все, что люди говорят, испытывая сильные эмоции, всегда сбывается. У кого-то раньше, у кого-то позже, но эти слова имеют невероятный заряд и летят точно в цель как стрелы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.